

Когда телефонный разговор завершился, Цуй Гуан ещё долго стоял в тишине. Он отчаянно пытался убедить самого себя: несколько лет назад Ли Сюй был совсем зелёным юнцом, едва перешагнувшим двадцатилетие. Пора безрассудства, горячей крови и неумения соизмерять риски. В конце концов, что плохого в том, что молодой человек любил спорт? Баскетбол — это же прекрасно: свежий воздух, укрепление духа и тела, отличная привычка.

Просто Ли Сюй проявил неосторожность. Не уберёг руки. И теперь он, должно быть, горько раскаивается, раз решил в одночасье сменить профессию и стать менеджером, лишь бы ничто не напоминало ему о былой страсти и не бередило душевные раны.

«Разве можно винить человека за ошибки молодости? — рассуждал Цуй Гуан. — Его руки — это его личная потеря, и мы не вправе смотреть на него с осуждением».

Да, именно так. Всё логично.

Цуй Гуан сделал несколько глубоких вдохов, дожидаясь, пока вздувшиеся на лбу вены окончательно не разглядятся, а к нему самому не вернётся подобие спокойствия.

Примерно в то же время подобные мысли посетили и представителей других влиятельных семейств, присутствовавших на банкете. Все они когда-то пытались выкупить у Ли Сюя его шедевры, и теперь, благодаря слаженным усилиям семьи Линь и самого «пострадавшего», каждый из них безоговорочно поверил в печальную историю о «талантливом, но безрассудном юноше».

В последующие дни все мало-мальски известные ортопеды столицы были подняты по тревоге. Богатые и влиятельные люди города С, объединив усилия, заставили врачей изучать рентгеновские снимки Ли Сюя так пристально, словно от этого зависела судьба мира.

В небольшой конференц-зале собрались пятеро светил отечественной ортопедии, к которым присоединились даже несколько приглашённых экспертов из-за рубежа. Заставлять таких людей консилиумом изучать последствия старой трещины в кости, которая благополучно зажила много лет назад... Это нельзя было назвать «стрельбой из пушки по воробьям». Это было сродни попытке разрубить дождевого червя легендарным мечом для истребления драконов.

Лица врачей, изучавших снимки, не предвещали ничего хорошего. Некоторые из них, ознакомившись с историей болезни, почувствовали себя оскорблёнными: с подобным случаем легко справился бы любой интерн. Однако, раз уж их пригласили, светилам пришлось провести очный осмотр и вынести вердикт.

— Судя по результатам обследования, — заговорил седовласый профессор, — зажившая трещина никак не влияет на подвижность кисти или её функциональность.

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Конечно, нельзя исключать психологический фактор. Возможно, сам пациент предъявляет к своим рукам аномально высокие требования и улавливает те микроскопические изменения, которые совершенно незаметны обычному человеку. В данной ситуации медицина бессильна. Мы рекомендуем консервативное лечение и... покой.

На языке Ли Сюя это означало: «С твоими руками всё в порядке! Ты просто слишком мнительный. Сходи к психологу, разберись с головой, и это будет эффективнее любого консилиума».

Разумеется, врачи не были столь категоричны — медицина не терпит абсолютных истин. Оставалось два варианта: либо Ли Сюй был сверхчувствительным перфекционистом, либо травма спровоцировала у него глубокий психологический блок.

Ли Сюй, разумеется, стоял на своём: с психикой у него всё в норме, просто его стандарты недостижимы для простых смертных.

Когда врачи разошлись, Ли Сюй с видом непризнанного гения, чьё одиночество на вершине мастерства было почти осязаемым, обратился к Цуй Гуану и остальным:

— Теперь вы довольны? Видите результат?

Он посмотрел на свои ладони, и в его голосе зазвучала холодная отрешённость:

— Способны ли ваши руки почувствовать температуру растопленного шоколада, едва коснувшись воздуха над ним? Можете ли вы, не пробуя на вкус, лишь по текстуре определить качество десерта и идеальные пропорции ингредиентов? Знаете ли вы, что такое едва уловимая разница в степени взбитости сливок, которую не зафиксирует ни один прибор, но которую я раньше чувствовал одним прикосновением?

Он горько усмехнулся.

— Вы этого не знаете, и потому вам никогда не стать великими кондитерами. Я был им. Но теперь... теперь я тоже не могу.

Линь Сынянь, стоявший в стороне, молча наблюдал за этим представлением, мысленно выставляя оценки:

«Слишком ровная интонация. В этой отрешённости не хватает лёгкого надрыва, едва заметного колебания голоса, чтобы зритель окончательно проникся драмой».

Закончив монолог, Ли Сюй печально покачал головой и направился к выходу.

— Больше не нужно этих проверок. Я лучше всех знаю свои руки. По крайней мере, я не стал полным калекой. Но после сегодняшнего... я целый год не захочу даже смотреть в сторону сладостей. У меня нет настроения, а то, что создано без души — всего лишь мусор. Я ценю ваше рвение, но на этом всё.

Он не дал им возможности возразить и скрылся в конце коридора. Ли Сюй понимал: если бы он сразу отказался от консилиума, это не вписалось бы в образ. А вот разочарование после вердикта врачей выглядело максимально убедительно.

Линь Сынянь, тяжело вздохнув, покачал головой:

— Эх, не смотрите на то, что он кажется сильным. На самом деле он очень ранимый. Сейчас вернётся домой и наверняка уйдёт в глубокую депрессию. Полгода, а то и год будет приходить в себя. Не давите на него. Вы же не хотите окончательно погубить великого мастера, который дарил людям радость?

— Ну... — Цуй Гуан и остальные замаялись, не зная, что ответить.

Сложно сказать, подействовал ли на них этот слаженный дуэт «следователя и адвоката» или же последние слова Линь Сыняня попали в цель, но в последующие дни Ли Сюя действительно оставили в покое. Жизнь семьи вернулась в привычное русло.

В один из вечеров Линь Цзинли, наблюдая за племянником, внезапно произнёс:

— Фэйфэю уже три года. Не пора ли ему в детский сад?

Линь Гошэн, собиравшийся подцепить палочками кусочек мяса, замер. Сама мысль о том, что их сокровище уже доросло до школьного возраста, вызвала у него внутренний протест. Но слова старшего сына были горькой правдой: для младшей группы детского сада Фэйфэй подходил идеально.

— Но сейчас почти Новый год, — с сомнением произнёс дедушка, с тревогой глядя на внука. — В садиках уже половина учебного года позади. Если Фэйфэй придёт сейчас, не станут ли другие дети его обижать?

Линь Гошэн не на шутку разволновался. Их Фэйфэй такой милый и очаровательный, а дети, как известно, часто задирают тех, кто им нравится. Отправить малыша в сад — это же обречь его на ежедневные испытания! Чем больше старик думал об этом, тем сильнее становилась его тревога.

Линь Сынянь, кажется, уловил ход мыслей брата и спросил:

— Чжан Хэнжуй из семьи Чжан, Цуй Юань из семьи Цуй... И Лян Ханюй, который вернулся к учёбе после того, как его родителей лишили прав. Они ведь все ходят в одно заведение?

После того как Фэйфэй рассказал ему о беде маленького актёра, Линь Сынянь внимательно следил за ситуацией и даже немного помог за кулисами. Всё-таки они вместе снимались, и мальчик играл его сына — какая-никакая, а связь.

Линь Цзинли кивнул.

В городе С было всего несколько элитных детских садов, и состоятельные родители часто старались отдать детей в одну группу. Это позволяло наследникам богатых фамилий заводить дружбу с пелёнок, формируя полезные связи на будущее.

Что касается Лян Ханюя, он сдружился с ребятами на дне рождения Фэйфэя. Лишённый возможности общаться со сверстниками во времена своей карьеры, он, получив свободу, первым делом обзвонил новых знакомых. В итоге Чжан Сяоху, Цуй Юань и Лян Ханюй оказались в одной группе. Денег, которые Трибунал изъял у его родителей и передал на хранение бабушке с дедушкой, вполне хватало на оплату учёбы. А директор сада, оказавшийся фанатом юного дарования, с радостью принял его в свои стены.

— Эти дети хорошо ладили с Фэйфэем, — одобительно кивнул Линь Гошэн. — Если они будут вместе, нашего малыша никто не посмеет обидеть.

Старик, всю жизнь ворочавший судьбами корпораций, теперь всерьёз планировал стратегию защиты внука в песочнице.

Линь Госюн тоже не остался в стороне:

— В таких садах учатся дети из очень обеспеченных семей. Это же идеальная мишень для похитителей или каких-нибудь безумцев, желающих отомстить обществу! Безопасность нашего Фэйфэя там гарантирована?

Он перебрал в уме все системы охраны и решил, что нужно лично переговорить с руководством садика. Отправить туда элитный отряд из «Хэйянь»! Сделаем им огромную скидку, лишь бы наши люди были на месте.

— Цзинли, раздобудь план здания и схему территории, — добавил Линь Гохун, откладывая палочки. — Мы со старшим братом всё изучим и найдём бреши в безопасности. Речь идёт о детях, тут нельзя проявлять беспечность.

После этого разговора аппетит у всех пропал. Члены семьи Линь обсуждали предстоящее поступление так, словно Фэйфэй собирался не в детский сад, а на секретную миссию по подрыву вражеской цитадели.

Линь Хань, слушая этот поток тревожных мыслей, не выдержал:

— Пап, при нашей школе тоже есть детский сад. Зачем отдавать Фэйфэя куда-то ещё? Там я смогу присматривать за ним каждый день. И мне спокойнее, и вам.

Но не успел Линь Цзинли ответить, как вмешалась бабушка Ян Юйин:

— Сяо Хань, для старших ребят ваша школа хороша, но смешивать малышей и подростков в одном кампусе — это лишний шум и суэта. Маленьким нужен свой покой.

В итоге идею Линь Ханя никто не поддержал.

Пока взрослые вели жаркие дебаты, главный виновник торжества, малыш Фэйфэй, сидел в своём высоком стульчике, посасывая ложку. Он смотрел на родных с полным непониманием, даже не догадываясь, что речь идёт о нём.

Проглотив еду и запив её водой, Фэйфэй любопытно спросил:

— А о чём вы все так громко спорите?

Увидев эту очаровательную, слегка растерянную мордашку, Линь Хань не сдержал улыбки. Он ласково взъерошил мягкие волосы братишки:

— Мы говорим о том, что Фэйфэю уже три годика, и ему пора идти в детский сад.

— В детский сад? — переспросил малыш. — А почему Фэйфэй должен туда идти, если ему три годика?

Линь Сынянь подхватил объяснение, используя слова самого сына:

— Потому что после дня рождения Фэйфэй стал «большим мальчиком». А все большие мальчики ходят в детский сад.

Фэйфэй серьёзно кивнул, принимая этот довод. Но мгновение спустя он потянул отца за рукав:

— Папа пойдёт в детский сад вместе с Фэйфэем?

Линь Сынянь замаялся и с сожалением покачал головой:

— Нет, малыш. Папа уже ходил в садик, когда был маленьким.

Услышав, что папы рядом не будет, Фэйфэй заметно приуныл. Но, собравшись с духом, спросил снова:

— А дедушка пойдёт с Фэйфэем?

— Дедушка уже старенький, — продолжал Линь Сынянь. — Старичкам не нужно ходить в детский сад.

— А братик?

— Братик тоже учится, но совсем в другом месте.

Бабушка? Дяди? Старший дедушка? Крёстный?

Малыш перебрал всех, кого знал, и на каждый вопрос получал один и тот же ответ: никто из них в садик не пойдёт.

Наконец до Фэйфэя дошло.

— Значит... Фэйфэй должен пойти туда совсем один?

Под напряжёнными взглядами взрослых нижняя губка малыша задрожала, улыбка погасла, а в больших глазах начали скапливаться слёзы. Вид у него был такой несчастный и обиженный, что сердце могло разорваться.

Почувствовав острую нехватку безопасности, Фэйфэй потянулся к отцу, просясь на ручки. Линь Сынянь тут же вытащил его из детского кресла. Малыш уткнулся лицом в его плечо и едва слышно прохныкал:

— У-у-у... Фэйфэй больше не хочет быть большим. Быть большим — плохо.

«Большой мальчик» должен уходить из дома один, и никто не будет его сопровождать.

Линь Сынянь нежно погладил сына по спине, стараясь утешить:

— Фэйфэй, ты же сам говорил, что ты уже взрослый и у тебя даже мышцы выросли? Неужели такой сильный герой боится идти в детский сад?

Слово «один», незримо присутствовавшее в словах отца, окончательно прорвало плотину. Фэйфэй прижался пухлой щекой к плечу Линь Сыняня и разрыдался в голос:

— Плохо! У-у-у... Хнык... Плохо!

Первым не выдержал Линь Госюн. Он впервые видел, как Фэйфэй плачет, и от этого звука у него по спине пробежал холодный пот.

Он решительно подошёл к Линь Сыняню и громко объявил, обращаясь к малышу:

— Всё, не пойдём! Никуда мы не пойдём! Не плачь, Фэйфэй, не надо. Я посмотрю, кто посмеет отправить тебя в этот сад — только через мой труп!

С этими словами он обвёл гостиную леденящим, полным ярости взглядом, задержавшись особенно долго на Линь Цзинли.

<http://bllate.org/book/13654/1589405>